

— ГАГЬЯНА МАСТЕРМАН —

Кого ты

выбрала?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Татьяна Мастерман

Память со вкусом крови

«Автор»

2026

Мастерман Т.

Память со вкусом крови / Т. Мастерман — «Автор», 2026

О книгеСиласу не нужно спасать её от монстра. Монстр - он сам. Ему нужно понять, кто второй. Кто повторяет его движения, его запах, его голос - и у кого нет сердца, которое можно услышать. Гуль живёт по инстинкту. Гуль не умеет любить. Но Таня почему-то не бежит. Она остаётся в подвале с земляными стенами, где пахнет железом и зверем, где снаружи по доскам стучат костяшки...Между двумя монстрами, которые говорят только правду. Между правилом «нет» и его нарушением.Между инстинктом и выбором.Кого ты выбрала, Таня?Тёмное городское фэнтези о том, что чудовище - не тот, кто пьёт кровь. Чудовище - тот, кто стоит между. И иногда, чтобы не стать им, достаточно просто остаться рядом до утра.Примечания автораЗа основу взяла «Токийского гуля». Но история другая, никак не связана с персонажами из аниме.

© Мастерман Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Мастерман

Память со вкусом крови

Глава 1

ГЛАВА 1. Вишня, сакура и человек, который не был человеком

Ночь давила на стекло чёрным. Дождь начался ещё до полуночи и теперь стучал по карнизу ровно, метрономно, отсчитывая часы, которые никто не считал, кроме меня.

Внутри пахло свежим кофе — горько, густо. Этот запах я любил. Единственное из человеческого, что не вызывало у меня рвотного рефлекса.

Я протёр стакан сухой тряпкой и посмотрел поверх стойки.

Новая. Нет — такую я бы запомнил. Белые волосы, как рассыпанная мука, под лампой отливали холодным серебром. Она села у окна, в дальний угол, открыла ноутбук и уставилась в пустоту, ожидая официанта. Красиво сидящая женщина в пустой кофейне в час, когда нормальные люди спят. Либо писательница, либо проблема.

Ковёр заглушил мои шаги, но я увидел, как она вздрогнула — едва, плечами.

— Вечер. Таня? — я кивнул на открытый документ, где в свойствах файла мелькало имя. — Я Вэл. Работаю здесь один по ночам. Меню у нас скромное: кофе, вода и кофе снова. Выбор богатый.

Я стоял ближе, чем положено официанту. Слышал её пульс — ровный, около семидесяти. Не боится. Или хорошо притворяется.

— Ноутбук, третий час ночи, кофейня на окраине, — я позволил уголку губ подняться. — Пишете роман о маньяке или убегаете от кого-то? У нас первая категория пользуется спросом.

Она подняла на меня взгляд. Карие глаза. Круглые очки. Чёрные ресницы, густые. Кукольная, но аристократичная — такое сочетание встречается редко и обычно означает неприятности.

— Доброй ночи. Можно мне американо, пожалуйста, — она мягко улыбнулась.

— Американо, — повторил я ровно. — Самый честный заказ. Вода, зерно, никакого сахара, чтобы прятать вкус.

Я записал несуществующий заказ в воображаемый блокнот и не двинулся с места. Дождь барабанил за её спиной, и от этого казалось, что весь мир сжался до размеров этой кофейни.

— Вы не ответили на вопрос. Роман или побег? Впрочем, не важно. Второй вариант был бы интереснее. Первый — скучнее.

Её пульс не дрогнул. Люди обычно нервничают, когда на них смотрят так, как смотрел я: слишком долго, слишком внимательно. Но я смотрел не в глаза. На шею. На тонкую линию под ухом, где кожа почти просвечивает и пульсирует голубая жила.

— Американо будет через три минуты. Для вас бесплатно. Политика заведения: писатели пьют за счёт кофейни. — Я уже поворачивался, но остановился. — Шучу. Такой политики нет. Просто мне лень считать мелочь в три часа ночи.

За стойкой я налил воду в резервуар. Машина зашипела, потекла тёмная струя. Я стоял к залу спиной и слушал: щелчок тачпада, редкое дыхание, дождь. И её сердце. Ровное. Спокойное.

Скучная еда. Но живая.

Через три минуты я поставил чашку на стол и задержал пальцы на керамике на секунду дольше, чем нужно.

— Осторожно, горячая. Как и всё в этой кофейне по ночам.

Она не ответила. Отвела взгляд, ушла в экран, изредка делала глотки. Работала быстро — я слышал ритм клавиш, сорок с небольшим слов в минуту, паузы, снова поток. В какой-то момент я подошёл ближе и поймал запах.

Вишня и сакура. На её коже это раскрывалось во что-то тёплое, съедобное. Я сжал чашку крепче. Фарфор хрустнул — едва слышно, но я услышал. Я всегда всё слышу.

Она закинула в рот леденец от кашля.

Значит, простуда настоящая.

Полчаса я честно притворялся занятым. Пересчитал сиропы. Протёр машину. Полистал накладные, в которых не было ни одного смысла. К половине четвёртого зал опустел окончательно, даже дождь стал тише. Я подошёл с графином воды — без запроса, просто поставил на край стола, не прерывая её стука по клавишам.

— Пей. От обезвоживания текст сохнет, — я позволил себе усмешку. — Проверено эмпирически.

Фантик от леденца лежал аккуратно сложенный у ноутбука. Порядок в мелочах выдаёт людей лучше любых слов.

— Закрываюсь в шесть, — сказал я, уже уходя. — Не то чтобы выгонял. Просто знайте, во сколько вас выставят.

За стойкой я позволил себе то, чего не делал давно. Просто смотрел. Белый затылок, линия шеи над воротником, пульс под кожей — в такт дождю. Голод шевельнулся где-то под рёбрами, лениво, как кошка.

Три дня до охоты. Терпи.

Я отвернулся и стал мыть чашку, которая и так была чистой.

Она тёрла переносицу. Жест усталого человека, который не признаёт усталость. Пальцы тонкие, без колец. Голова клонится ниже с каждой минутой, но ноутбук она не закрывает. Упрямая.

— У вас температура, — сказал я, не спрашивая. — Я слышу, как бьётся ваше сердце. На четыре удара чаще, чем когда вы вошли.

Я налил воды — холодной — и поставил рядом с её рукой, не дожидаясь просьбы.

— Пейте. Не кофе — воду. Американо вас уже высушил, а с температурой это глупо.

Она подняла глаза. Очки сползли на кончик носа. Я не стал дожидаться, пока она их поправит, — просто сдвинул указательным пальцем обратно. Кожа на переносице была горячей. Лихорадочной. Я ощущал этот жар через подушечки, как от печки, которую забыли выключить.

Вишня и сакура. И пульс под пальцами. Опасное сочетание.

— Вы не допишете сегодня ничего путного с такой головой. Говорю как человек, который тоже иногда работает по ночам. Когда болеешь — буквы плывут.

Она опешила. Что-то хотела сказать — и вскинула удивлённо брови.

— Со мной всё в порядке, и лекарства я уже выпила. Дома. Но спасибо... — взгляд настороженно скользнул по мне и вернулся к экрану.

Я достал из-под полки аптечку — обычную, человеческую, для клиентов, которые падают в обморок от недосыпа. Выложил парацетамол на край стойки, лицом к ней.

— Бесплатно. Политика заведения для писателей с температурой. — Я не улыбнулся. — Шучу. Политики по-прежнему нет.

Голод толкнулся под рёбрами снова. Сильнее. Я налил себе эспрессо и выпил стоя, обжигаясь, чтобы заглушить то, что шевелилось внутри.

Конечно, в порядке. Поэтому вы трёте переносицу каждые три минуты и дышите так, будто у вас в груди дыра.

Она не ответила. Я заметил, как дрогнула её левая рука — едва, прежде чем лечь на стол. Пальцы побелели на мгновение и расслабились. Головокружение. Она спрятала его за привычным жестом — поправила белую прядь за ухо.

Упрямая.

Пульс стал неровным: семьдесят два, восемьдесят шесть, снова вниз. Организм боролся. Запах вишни и сакуры стал гуще — тело нагревалось, духи раскрывались сильнее. Под ними проступал другой запах. Кожи. Человеческой. Тёплой.

Мои пальцы сжали край стойки. Дерево скрипнуло.

— Без четверти пять. У вас сорок минут.

Она кивнула, не отрываясь от экрана.

— Таня, — я произнёс её имя впервые вслух. Медленно. Пробуя на вкус. — Когда вы упадёте лицом в клавиатуру, мне придётся вызывать такси. А мне лень. Так что лучше закругляйтесь.

Я не знал, зачем сказал именно это. Не знал, почему её имя прозвучало иначе, чем я планировал. Тише. Дольше.

Голод зашевелился. Я не стал пить кофе. Просто стоял и смотрел, как белые волосы ловят свет лампы.

Она положила деньги на столик. Ноут в сумку, к выходу.

— Спасибо... и доброй ночи, — бросила через плечо.

Я подхватил купюру раньше, чем она дошла до двери.

— Таня. Вы забыли деньги. Я сказал — бесплатно. Политики нет, но и счёта тоже.

Она остановилась у двери. Дождь за стеклом хлестал жёстче. Пульс подскочил до девяноста. Не от страха. От усталости и чего-то ещё, что я не успел разобрать.

— И не выдумывайте, что вы мне мешаете. Мне плевать на присутствие людей. Я работаю в ночной кофейне не потому, что люблю компанию.

Я положил купюру обратно на стол, рядом с пустой чашкой.

— Через сорок минут я закроюсь и пойду домой. Один. В тёмную квартиру с зашторенными окнами. Так что ваше присутствие здесь — единственное человеческое, что отличает эту ночь от предыдущей. И от следующей.

Я стоял слишком близко. Она это чувствовала — мышцы под курткой напряглись. Но она не отстранилась.

— Допишите свою главу. Или не допишите. Но не уходите потому, что вам показалось, будто вы тут лишняя. Вам показалось. Американо будет через две минуты. Без обсуждений.

— Мне правда пора... Домой... — она мягко улыбнулась, натягивая капюшон. Белые волосы почти скрылись под тканью.

Что-то в груди сжалось. Не голод. Что-то другое, непривычное, раздражающее.

Я обошёл стойку и встал у двери раньше, чем она взялась за ручку. Не перекрывая проход — просто рядом. Моя рука легла на дверную ручку поверх её. Её пальцы были горячие, мои — холодные. Контраст ощущался обоими.

— Вы простужены, у вас температура, и на улице ливень. Вы точно так же можете упасть на мокром асфальте, как и в клавиатуру. Разница только в том, что клавиатура мягче.

Пульс под моими пальцами: восемьдесят восемь. Девяносто. Она не дёрнула руку. Не отступила. Просто смотрела снизу вверх карими глазами за круглыми стёклами.

— У меня есть зонт. Я провожу. Не потому, что я хороший — потому что если вы свернёте шею на лестнице, я буду единственным свидетелем и мне придётся давать показания полиции. А я ненавижу полицию. Где вы живёте?

Голод молчал. Странно. Рядом с горячим телом, с пульсирующей жилкой на запястье — молчал.

Она аккуратно вытащила руку из-под моей. Хотя мой холод оказался приятным для её горячей кожи.

— Не нужно, спасибо. Я же как-то дошла сюда. Так же и домой дойду. Всё в порядке...

— До сюда вы шли здоровой. Обратно идёте с температурой, в дождь, одна, ночью. Математика простая, Таня. Вероятность упасть — процентов семьдесят.

Она шагнула в дверной проём. Дождь сразу накрыл капюшон тёмными пятнами. Она покачнулась — едва, на полсекунды. То самое головокружение, которое прятала весь вечер.

Я вышел следом. Не спрашивая, не предупреждая. Дверь за спиной щёлкнула и закрылась на автоматический замок. Дождь мгновенно промочил мне плечи.

— Зонт остался внутри. Кофейня закрыта. Значит, мокнем оба. Ваша вина.

Она посмотрела на меня снизу вверх. Очки забрызгало каплями. Я снял их с её лица — аккуратно, двумя пальцами за дужки. Сложил, убрал в карман её куртки.

— Так ничего не видно. Идёмте. Куда?

Голод молчал. Только сердце билось под мокрой тканью — частое, упрямое, живое.

— Я не просила вас выходить, мокнуть и провожать меня. Так что моей вины тут нет, — хмыкнула она и пошла медленным шагом вперёд.

— Не просили, — я шёл рядом, чуть позади, так что плечо почти касалось её спины. — Вы вообще мало просите. В этом ваша проблема.

Мокрый асфальт блестел под фонарями. Без очков она щурилась, наклоняла голову к земле. Тело боролось с лихорадкой и проигрывало.

— Четыре квартала. Если идти в вашем темпе — минут пятнадцать. Если упасть — дольше.

Капюшон намок и прилип к волосам. Белая прядь выбилась, прилипла к мокрой щеке. Я заправил её обратно. Пальцы скользнули по виску. Кожа горела.

— Вы горячая. В прямом смысле. Можно я завяжу вам капюшон плотнее? Он сползает.

Не дожидаясь ответа, я натянул ткань ниже, прикрывая уши. Мои холодные пальцы задержались на её затылке. Пульс бился где-то там, под ладонями. Девяносто два.

Она промолчала. Я знал, что она злится: я нарушал границы — очки, капюшон, чужая спина. Но она была не в состоянии спорить и не хотела грубить. Ночь, она одна с незнакомым мужчиной. Она промолчала, и я услышал в этом молчании всё: и злость, и усталость, и вежливость, отточенную до тонкости, как лезвие.

Квартал мы прошли молча. Дождь усилился. Вода стекала по моим волосам на лицо, по шее под воротник. Мне было всё равно. Её дыхание сбивалось — каждый третий вдох рваный, короткий. Лёгкие забиты.

— Вы злы на меня. За очки. За капюшон. За то, что я вышел без спроса. Справедливо.

Я убрал руки в карманы и отступил на шаг. Ровно настолько, чтобы она почувствовала пространство.

— Я привык к тёмным кофейням, где люди — это силуэты за столиками. Не к тому, чтобы трогать чужие очки. — Я посмотрел на мокрый асфальт. — Но вы болеете, идёте одна, и я почему-то вышел под дождь вместо того, чтобы закрыть кассу. Это не нормально для меня. И я не знаю, что с этим делать.

Прохожих не было. Фонари гудели над головой, бросая жёлтый свет на лужи. Её правая рука периодически сжималась в кулак и разжималась. Пальцы мёрзнут. Куртка тонкая.

— Два квартала. Дальше я не пойду. Если хотите — перейдите на другую сторону улицы. Я не подойду ближе.

Голод спал. Только дождь стучал по коже, и её запах — вишня, сакура, мокрая ткань, жар — тянулся ко мне как нить, которую я не просил.

Она тихо закашлялась. Обернулась. Взглядом скользнула по мне.

— Если уж взялись провожать, так доделывайте до конца.

Я подошёл ближе. Два шага — и снова рядом, на расстоянии вытянутой руки. Кашель был влажный, глубокий. Я слышал, как мокрота булькает в бронхах.

— До конца. Как скажете.

Мы свернули на Лермонтова. Фонарь здесь один, мигающий. Лужа перед подъездом — широкая, тёмная, отражает жёлтый свет. Она остановилась у двери, повернулась ко мне. Капюшон сполз. Белые волосы прилипли ко лбу, к щекам. Очки в кармане. Карие глаза смотрели ясно, без стёкол, напрямую.

— Вот. Дошла. Целая.

— Целая. Мокрая и горячая. Но целая, да.

Я стоял перед ней. Пульс — девяносто четыре. Голод молчал, но что-то другое в груди не молчало. Что-то неудобное, непривычное, бесившее меня.

— Ключ. Доставайте. Я подожду, пока зайдёте.

Она сунула руку в карман. Достала ключ — маленький, на прозрачном брелоке. Рука дрожала. Не от холода. От температуры. Металл мелко вибрировал между указательным и большим пальцем.

Она вставила ключ в замок. Повернула. Щелчок. Из подъезда пахло застарелым табаком, сырыми стенами и чем-то кислым. Тёмная лестница. Металлические перила. Один свет — аварийная лампа на втором этаже.

— Зайдёте? — она обернулась в дверном проёме. Голос тихий, хриплый от кашля. Не приглашение. Просто вежливость, брошенная через плечо, как монета в лужу.

Капля воды скатилась по её ключице вниз, под ворот куртки.

— Нет. Мне далеко. И вам нужно лечь.

Она кивнула. Шагнула внутрь. Дверь начала закрываться. Я видел её силуэт в щели — узкий, хрупкий, горбатый от усталости. Пульс удалялся. Девяносто два. Восемьдесят восемь. Восемьдесят пять. Затихал в глубине здания.

Дверь закрылась. Я стоял один под дождём. Вишня и сакура растворялись в запахе мокрого асфальта.

— Три дня до охоты, — я сказал это вслух, себе, в пустую улицу. — И почему-то не голодно.

--

Я шёл обратно мокрой улицей. Четыре квартала в темноту, под дождь, в сторону кофейни. Ключи от закрытой двери лежали в кармане. Касса не закрыта. Чашки не вымыты. Мне было плевать.

Её окно горело третьим этажом. Я не смотрел. Посмотрел. Один раз. Силуэт за занавеской — белый, размытый. Двигался медленно, тяжело. Потом свет погас.

Голод молчал. Три дня до охоты, и обычно к этому сроку я уже чувствовал тянущую пустоту под рёбрами. Ничего. Только вишня и сакура, которая не выветривалась из памяти, хотя должна была. Я не запоминаю запахи людей. Они — еда. Еда не имеет имён

Я зашёл через заднюю дверь. Вымыл чашки. Закрыл кассу. Вытер стойку. Руки работали, голова — нет. В чёрном окне отражалось моё лицо: бледное, острое, с каплями на скулах. Не голодное. Не злое. Какое-то другое.

— Таня, — я произнёс это имя в пустую кофейню. Звук утонул в гудении холодильника. Имя повисло в воздухе, как пар над горячим кофе, и медленно растворилось.

Я закрыл кофейню в шесть. Поднялся к себе. Зашторил окна. Лёг на продавленный диван. Не спал. Гули не спят — мы ждём. Но в это утро я не ждал охоты. Я ждал ночь. Следующую. Когда она снова придёт с ноутбуком, температурой и запахом вишни.

Три дня.

Три дня тянулись как три недели.

Я работал. Мыл чашки. Разливал кофе. Каждую ночь вздрагивал от звона колокольчика над дверью. Каждый раз — не она. Чужие силуэты, чужие запахи, чужие пульсы. Мне было плевать на них всех.

Голод проснулся на второй день. Тянущая пустота под рёбрами, лёгкое жжение в горле. Радужка вспыхивала красным, когда я оставался один в подсобке. Контроль пока держал. Ещё день, может два. Потом нужно идти на охоту, иначе глаза выдадут меня при свете.

Я думал о ней. Это бесило. Я не думаю о людях между встречами. Люди — это момент: пришёл, пахнет, ушёл. Она не ушла. Осталась где-то под рёбрами, как заноза, которую невозможно вытащить. Запах вишни и сакуры. Мокрые белые волосы на щеках. Пульс под моими пальцами, когда я поправлял капюшон. Девяносто два удара. Горячая кожа на виске.

Она больная,* — думал я, протирая стойку в три часа ночи. — *Простуженная девчонка с тонкой курткой и круглыми очками. Писательница. Тридцать лет. Ничего особенного.

Ничего особенного. Я повторял это каждый раз, когда звенел колокольчик и я поднимал голову. Каждый раз надеясь. Каждый раз разочаровываясь.

Ты идиот, Вэл. Она — еда. Не еда. Не знаю, что она. Но не еда.

На третий день я вышел на охоту. Пустой переулок, одинокий пьяный, быстрый захват. Сердце горячее, сырое, солёное. Я ел и не чувствовал удовлетворения. Желудок был полон, а заноза под рёбрами — на месте.

Вернулся в кофейню. Открыл смену. Дождь лил за окном. Я ждал.

Она пришла на четвёртый вечер, около десяти. Дверь звякнула — рефлекс, отработанный за три дня. Белые волосы. Круглые очки. Тонкая куртка. Вишня и сакура.

Руки замерли на кофемашине. У меня сердце бьётся иначе — медленнее, экономнее. Но что-то под рёбрами дёрнулось. Заноза, которая сидела три дня.

Она прошла к дальнему столику у окна. Села. Достала ноутбук. Те же движения, та же последовательность. Только лицо другое — не серое, не осунувшееся. Глаза ясные. Пульс я слышал через всю кофейню: семьдесят восемь. Почти норма. Почти здоровая.

Я налил американо. Чёрный, без сахара, как в прошлый раз. Подошёл. Поставил чашку. — Четыре дня. Температура ушла. Пульс семьдесят восемь. Вы почти живая.

Она подняла голову. Карие глаза за стёклами. Я стоял слишком близко и чувствовал тепло её кожи. Не лихорадочное, нормальное. Человеческое. Тридцать шесть и шесть.

— Американо. Бесплатно. Политика не изменилась. Добро пожаловать обратно, Таня.

— Да... мне уже лучше... — она мягко улыбнулась, взяла чашку, сделала глоток.

Улыбка. Тихая, почти незаметная. Шевельнулись уголки губ — на миллиметр. Люди такого не замечают. Я замечаю всё: пульс, дыхание, расширение зрачков, микроизменения температуры кожи. И эту улыбку я тоже заметил, хотя не должен был. Не моя забота — кто там улыбается и почему.

Она вернулась. Ноги привели. Как будто у неё нет выбора. Как будто у меня нет выбора стоять здесь и смотреть, как она пьёт мой кофе.

Горло двигалось — я слышал, как жидкость проходит по пищеводу. Тёплая, горькая, чёрная. Глаза прикрыты на секунду. Ресницы отбрасывают тень на скулы.

— Хорошо, что лучше. Значит, лекарство сработало. Или прогулки под дождём с незнакомцем — тоже терапия. Не уверен, что врачи бы одобрили.

Я вернулся за стойку. Вытер полотенцем руку, которая не была мокрой. Занятость. Видимость. Мне нужно было чем-то занять руки, потому что они хотели снова заправить ей капюшон, поправить очки, коснуться виска. Три дня назад я нарушил её границы и пообещал себе не делать этого снова.

Не делай, Вэл. Она — не еда. Она — не твоя. Она — человек с ноутбуком и запахом вишни, который приходит в твою кофейню в десять вечера.

— Ноутбук снова с вами. Значит, пишете. Или делаете вид, что пишете, чтобы сидеть в странной кофейне со странным бариста.

— Да... снова пишу, — она чуть облизнула нижнюю губу, задержав на ней взгляд, и снова ушла в экран.

Язык скользнул по губе — влажный, розовый — и исчез. Слюна блеснула на коже секунду. Пульс не изменился. Семьдесят восемь. Привычка, не осознанное движение. Но я заметил. Я замечал всё, что не должен.

Пальцы по клавишам — быстрый, уверенный ритм. Сорок два слова в минуту. Она печатала не думая, текла. Очки чуть сползли на переносицу. Она не поправляла.

Она пишет. Она облизнула губу и пишет. Она пишет про что-то, что заставляет её облизывать губу. Про кого-то.

Я стоял за стойкой и смотрел не в неё — в экран. Прочитать не мог, но видел движения глаз, микромимику, как она замирала, держа палец над клавишей. Думала. Подбирала слово. Потом — стук, стук, стук. Быстро. Уверенно.

Она добавила тебя. Она описывает тебя. Высокий, бледный, серые глаза. Странный бариста, который бесплатно наливает кофе и провожает домой. Персонаж. Ты — персонаж в её книге.

— И как там персонажи? — я спросил из-за стойки, не поднимая глаз. — Интересные? Или картонные, как в большинстве современных романов?

Я знал, что она пишет. Не знал что. Но знал. Интуиция — не человеческая, звериная. Чувала. Как кровь за квартал.

— Они в порядке. Когда закончу, может быть, вы прочтёте эту книгу, — она отпила кофе.

Книга. Она хочет, чтобы я прочитал. Чтобы я увидел себя чужими глазами, на бумаге, в чужих словах. Это... неприятно. И одновременно — нет. Заноза провернулась.

— Прочитаю. Если доживу до выхода. Писатели — медленный народ. Вы можете писать книгу пять лет, а я к тому времени уже... перееду.

Не перееду. Я никуда не перееду. Я буду торчать в этой кофейне и ждать, пока она придёт с ноутбуком и вишнёвым запахом.

Я вышел из-за стойки. Подошёл к её столику. Не сел. Встал рядом, опершись рукой о стену. Близко. Слишком близко для бариста и клиента. Но мне было плевать на дистанцию. Три дня я думал о её пульсе, и теперь слышал его в полуметре от себя: семьдесят восемь, ровный. Она не боялась. Не напрягалась. Пахла вишней, сакурой и кофе, который я ей налил.

— Вы описываете меня, — не вопрос. Утверждение. Я смотрел на экран, на мигающий курсор в конце абзаца. — Бледный, высокий, странный. Серые глаза. Бесплатный кофе. Так?

Она подняла голову. Мои глаза — серые, спокойные — смотрели вниз. Радужка не красная. Голод молчал. Но что-то другое не молчало. Что-то, что не имеет названия на языке гулей.

— Я хочу знать, что вы написали, Таня. Слово в слово.

Она тихо рассмеялась.

— Нет. С чего вы взяли?

Смех. Тихий, короткий, влажный — остатки простуды всё ещё сидели в бронхах. Я слышал, как воздух проходит через мокроту. Лёгкий хрип на выдохе. Она думала, что я не замечу. Я замечал всё.

— С того, что вы облизнули губу перед тем, как начать печатать. Вы замирали на середине предложения. Ваши глаза бегали по экрану быстрее, чем когда вы пишете обычный текст. Вы описывали что-то конкретное. Что-то, что видите перед собой.

Очки на кончике носа. Карие глаза — тёплые, с янтарными крапинами у зрачка. Я не видел их четыре дня. Теперь видел и снова не мог отвести взгляд.

Она ложёт. Плохо. Люди лгут хуже, чем думают. Пульс не меняется, но дыхание сбилось на полсекунды. Она знает, что я знаю. Ей всё равно.

— Ладно, — я чуть отодвинулся. Не потому, что хотел. Потому что стоял слишком близко, и мои пальцы на стене были в десяти сантиметрах от её плеча. — Не я. Хорошо. Значит, другой бледный высокий ублюдок с бесплатным кофе. Их много в этом городе.

Я вернулся за стойку. Налил себе фильтр-кофе. Чёрный, горький, обжигающий. Единственное, что мой желудок принимает кроме человеческой плоти. Глоток. Горло обожгло. Хорошо.

— Но когда закончите — я прочитаю. Даже если там не я.

Она покачала головой с той же мягкой улыбкой. Слишком тёплой. И продолжила писать. Про меня. Он не был главным персонажем, но, возможно, будет играть важную роль в её истории. Если она сможет его раскрыть.

Тёплая улыбка. Не вежливая, не дежурная. Такая, от которой у людей что-то сжимается внутри. У меня ничего сжиматься не должно — я гуль, у меня нет того, что сжимается. Но заноза провернулась снова, и я сделал ещё глоток, чтобы заглушить непонятное.

Она пытается меня раскрыть. Как персонажа. Как книгу. Она хочет понять, что внутри. А внутри — желудок, переваривающий вчерашнее сердце, и кагуне, который спит между лопаток. Удачи, Таня. Хорошая книга получится.

Час ночи. Два. Она не уходила. Кофе остыл, она не допила. Пальцы не останавливались. Я слышал ритм — быстрый, уверенный, иногда замедлялся, когда она думала. Замирала. Кусала губу. Снова стук.

В два тридцать я подошёл. Молча. Взял её чашку, остывшую, и заменил на свежий американо. Горячий. Пар поднялся между нами.

— Вы не ели. Шесть часов за ноутбуком. Пустой кофеин не заменяет еду.

— Да... и правда. Надо поесть, — она закрыла ноутбук.

Крышка щёлкнула — тихий, мягкий звук. Экран погас, и её лицо перестало освещаться голубым. Только тёплый свет ламп над стойкой. Белые волосы поймали жёлтый оттенок. Карие глаза стали темнее.

Она уйдёт. Встанет, наденет капюшон, выйдет. И я останусь здесь с чистыми чашками и запахом вишни, который выветрится за полчаса.

— Сейчас два тридцать, — я посмотрел на часы над дверью. — В этом районе ничего не открыто. Только круглосуточный на углу, но там еда, которую я не рекомендую даже врагу.

Я обошёл стойку. Вымыл руки. Просто чтобы стоять. Просто чтобы двигаться.

— Есть вариант, — сказал я, не поворачиваясь. Шум воды. — Я могу сделать тебе бутерброд. Здесь. Из того, что есть. Хлеб, масло, сыр. Ничего сложного. Даже я справлюсь, хотя готовлю редко.

Что ты делаешь, Вэл? Ты приглашаешь её остаться. Ты предлагаешь еду, которую сам не можешь есть. Ты будешь смотреть, как она жуёт, и чувствовать вишню и сакуру, и слышать её пульс, и думать о том, как её горло двигается, когда она глотает.

Я выключил воду. Вытер руки. Повернулся.

— Или ты можешь пойти домой и поесть там. Четыре квартала. Тёмная улица. Одна. Без очков. С температурой, которая ещё не до конца ушла.

Я не предлагал проводить. Не предлагал остаться. Я просто стоял и смотрел серыми глазами, которые не были красными. Пока не были.

— Не стоит себя утруждать. Я поужинаю дома... — ноутбук в сумку. Она допила холодный кофе.

Холодный кофе. Допила. Не поморщилась. Люди морщатся от холодного кофе — горечь усиливается, когда температура падает. Она не морщилась. Просто допила, как воду. Как лекарство.

— Дом. Четыре квартала. Одна.

Я сказал это второй раз. Она услышала. Не отреагировала. Сумка на плечо, чехол тихо шуршит о ткань. Она встала. Невысокая. Метр шестьдесят три. В моей кофейне она казалась меньше: потолки низкие, свет тусклый, я слишком высокий для этого места.

Отпусти,* — сказал мне голос, который не был голосом. Инстинкт. Не голод — другое. — *Отпусти. Она уйдёт. Вернётся через день, через два. Она вернется снова.

Я вышел из-за стойки. Прошёл к двери. Открыл замок — щелчок, металл о металл. Ночной воздух хлынул внутрь. Сырой, холодный, с запахом мокрого асфальта и мусорных баков. Два тридцать ночи. Пустая улица. Фонарь через дорогу мигал — разбитый, я знал это уже неделю.

— Таня, — я стоял у открытой двери. Рука на косяке. Не блокировал выход. Просто стоял. — Я дойду с тобой. До подъезда. Как в прошлый раз. Без нарушений границ. Просто два квартала, четыре, сколько нужно.

Серые глаза. Спокойные. Радужка не красная. Голод молчал — ещё четыре дня до охоты. Но я не знал, что молчит громче: голод или то, что заставляло меня стоять у двери и ждать.

— Так ведь... кофейня? — она окинула взглядом помещение. — Должна ещё работать.

— Автоматический замок. Закрывается снаружи. Ключ у меня. Никто не придёт в три ночи — за четыре месяца работы был один клиент после двух, и это был пьяный, который принял кофейню за бар.

— Пять минут. Мне всё равно нужно выйти. Курить.

Я не курил. Гули не курят — лёгкие регенерируют, но вкус дыма мешает различать кровь. Я ни разу в жизни не держал сигарету. Но она не знала этого.

Ложь. Мелкая, глупая, ненужная. Ты врешь, чтобы проводить её четыре квартала. Ты, который не врёт клиентам, потому что клиенты — еда. Она не клиент. Она —.

Я не закончил мысль. Открыл дверь шире.

— Идём. Мне нужно проверить, что ты дойдёшь. Писательница без инстинкта самосохранения — слишком редкий вид, чтобы терять.

— Как скажешь... — она застегнула толстовку, достала из кармана вейп и затянулась. Клюквенный дым в лёгкие.

Клюква. Дым — не дым, пар, но пахло клюквой. Сладкой, кислой, искусственной. Запах ударил в ноздри, и я чуть не споткнулся. Вишня и сакура — её запах, живой, тёплый. И клюква — то, что она втянула в лёгкие, в те самые лёгкие, которые ещё четыре дня назад хрипели от мокроты.

Она курит. Писательница с температурой курит клюквенный вейп в три ночи на пустой улице. Идёт рядом с гулем. Не знает. Не боится.

Мы шли. Её шаги короче, мои длиннее. Она подстраивалась, ускорялась. Я замедлялся. Молча. Два квартала прошли в тишине. Фонари мигали. Мокрый асфальт блестел, как чёрное стекло. Её отражение — маленькое, белые волосы, толстовка — скользило под ногами.

— Клюква, — сказал я на третьем квартале. — Странный выбор. Обычно берут мятую или табак. Мята хотя бы притворяется, что полезна.

Пар повис между нами. Она выдохнула, и клюквенный дым коснулся моего лица. Тёплый. Влажный. Из её лёгких. Я почувствовал, как он ложится на кожу, на губы, и сжал кулаки в карманах.

Не вдыхай. Не вдыхай так, как будто ты хочешь её лёгкие изнутри. Не сейчас.

— Лёгкие ещё не восстановились. Пар раздражает слизистую. Ты знаешь это.

— Знаю... — она пожала плечами. — А клюква... вкусная. — Она повертела в руке серебристый вейп.

Вкусная. Она сказала — вкусная. Не «нравится», не «привыкла». Как ребёнок. Как человек, который выбирает не привычку, а вкус. Я чуть не усмехнулся. Чуть.

— Вкусная. Ладно. Не спорю. Клюква — достойный аргумент.

Мы свернули на Лермонтова. Третий квартал позади. Четвёртый — последний. Фонарь над подъездом горел ровно, не мигал. Я запомнил это: единственный рабочий фонарь на всей улице. Странно. Или нет. Может, кто-то из жильцов менял лампочку. Люди делают такие вещи — меняют лампочки, чинят замки, живут.

Она затянулась снова. Глубже. Клюквенный пар вышел из её губ медленно, лениво, как будто ей нечего было бояться. Три ночи. Пустая улица. Незнакомец рядом. И она выдыхала пар, как будто сидела у себя на кухне.

Она не боится. Ни меня, ни улицы, ни темноты. Она просто идёт и курит клюкву. И мне от этого... чего?

Ничего. Мне от этого ничего.

Подъезд. Десять шагов. Она достала ключ — прозрачный брелок. Звякнул. Я остановился не у двери, в двух шагах. Дистанция, которую я держал весь путь.

— Дома поешь, — я смотрел на её затылок, на белые волосы, которые ловили свет фонаря. — И не кури больше. Клюква вкусная, но лёгкие тебе ещё нужны. Для книги.

— Поем... и курить буду, — бросила она через плечо. С лёгкой улыбкой.

Лёгкая. Через плечо. Я увидел её краем глаза — уголок губ, чуть вверх. Она не улыбалась мне. Она улыбалась себе. Своей маленькой победе: курить буду, и всё. Писательница с клюквенным вейпом и упрямством в тридцать лет.

Упрямая. Хорошо. Упрямые дольше живут. Иногда.

Она открыла дверь. Щелчок замка. Тёплый воздух из подъезда — пыль, старые обои, чей-то ужин. Третий этаж. Лифта нет. Она зайдёт, поднимется, закроет дверь. Снимет толстовку. Поест. Ляжет. И я не буду этого видеть.

— Спокойной ночи, Таня, — сказал я тихо. Просто. Без сарказма, без фальшивых комплиментов. — До завтра. Или послезавтра. Или когда допишешь главу.

Она обернулась. Карие глаза — тёмные, тёплые, не испуганные. Очки на носу. Белые волосы за плечами. Свет из подъезда падал ей на лицо, и я видел каждую ресницу.

Иди,* — сказал мне голод. Не тот голод. Другой. Тот, который не имеет названия. — *Иди обратно. Закрой кофейню. Ляг. Жди. Ты умеешь ждать.

Я развернулся. Четыре квартала назад. Пустая улица, мигающие фонари, мокрый асфальт. Запах клюквы ещё висел в воздухе. Я шёл и не оглядывался.

Четыре квартала. Обратно. Клюквенный пар давно рассеялся, но запах остался — на моей куртке, на коже, в носу. Вишня и сакура. Клюква. Три запаха, которые не имели ко мне никакого отношения.

Я закрыл кофейню. Вымыл её чашку — последнюю, с отпечатком её губ на ободке. Вытер. Поставил на полку. Ушёл.

Дни. Один. Два. Три. Я работал. Ночь за ночью. Кофе, пустые столики, тишина. Она не пришла ни на следующий вечер, ни через день. Я не ждал. Я просто стоял за стойкой и не ждал.

На третий день я охотился. Переулок за гаражами. Одиноким, пьяным, сердцебиение ровное, замедленное. Четыре удара в секунду. Я слышал его за квартал. Запах крови — тёплый, густой, медный. Голод вспыхнул, радужка стала красной, белки потемнели. Щупальца прорвались сквозь кожу спины — тёмные, гибкие, острые. Быстро. Тихо. Сердце — тёплое, ещё бьющееся в ладони. Самое вкусное.

Я вернулся домой. Вымыл руки. Лёг. Смотрел в потолок до утра.

Через два дня — пять после её последнего визита — я открыл кофейню в двадцать два ноль-ноль, как обычно. Включил лампы. Запустил кофемашину. Американо — чёрный, без сахара, тот, что пьёт она. Не для неё. Просто привычка.

Дверь звякнула в двадцать три пятнадцать. Белые волосы. Круглые очки. Ноутбук в сумке. Тонкая куртка — другая, не та, но тоже тонкая. Октябрь не научил её одеваться теплее.

— Таня, — я не спросил. Констатировал. — Американо?

Она кивнула. Села за тот же столик. Дальний, у окна. Достала ноутбук. Я варил кофе и не смотрел на неё. Кофемашина гудела, запах зёрен заглушал всё — клюкву, вишню, сакуру, кровь.

Она вернулась. Пять дней. Она вернулась.

Я принёс кофе. Поставил на стол. Горячий, свежий. Она подняла глаза от экрана. Карие. Тёмные. Без температуры — щёки не красные, дыхание ровное. Выздоровела.

— Не болеешь. Пульс нормальный. Хорошо.

Я стоял у её столика. Близко. Слишком близко — опять. Рука на стене. Тень от лампы падала на её лицо, и я видел каждую ресницу. Она пахла по-другому — не сакурой. Ванилью. Что-то сладкое, тёплое. Другой шампунь или лосьон. Но вишня осталась. Вишня никуда не делась.

— Пять дней. Я уже думал, что ты нашла другую кофейню. С лучшим кофе и менее навязчивым бариста.

— Скучал? — с хитрой улыбкой спросила она.

Хитрая улыбка. Она спросила это так, как будто знала ответ. Как будто видела меня насквозь — серые глаза, бледная кожа, чёрные волосы, и где-то под всем этим то, что я не показывал никому.

— Скучал, — я повторил её слово. Ровно. Без интонации. — Это сильное слово. Я не скучаю. Я жду. Разница существенная.

Я не отошёл от столика. Она смотрела снизу вверх — карие глаза, очки, белые волосы на плечах. Хитрая улыбка не исчезала. Она играла. Писательница играла со мной, как со страницей — легко, без страха.

Она не знает, с кем играет. Не знает, что я могу слышать, как ускоряется её пульс. Что я вижу, как расширяются зрачки, когда она смотрит на меня. Что я чувствую тепло её тела за полметра.

— Кофе остынет. А я закрываю через... шесть часов. Но кто считает.

Её пульс: семьдесят два. Ровный. А когда она улыбнулась — семьдесят шесть. Четыре лишних удара в минуту, потому что она спросила, скучал ли я.

Четыре удара,* — я смотрел на её губы. Бледно-розовые. Уголок приподнят. — *Она хочет ответа. Настоящего. Не сарказма. Она хочет, чтобы я сказал «да».

— Да, — сказал я. Тихо. Без сарказма. Без улыбки. — Скучал. Ты довольна?

Её пульс — семьдесят восемь. Шесть лишних ударов. Я считал каждый.

Она не ответила. Тихо хмыкнула с улыбкой. Маленький глоток кофе. Снова открыла ноут.

Экран загорелся — голубоватый свет на её лице, на очках, на белых волосах. Она ушла в текст. Исчезла. Я остался у столика с рукой на стене и шестью ударами лишнего пульса, которые она забрала с собой в экран.

Я отошёл. За стойку. Протёр кофемашину, хотя она была чистой. Переставил чашки — три раза. Потом просто стоял и смотрел, как она пишет. Голова чуть наклонена, белые волосы закрывают левую щеку, пальцы по клавишам тихо, быстро, уверенно. Она не смотрела на кла-

виатуру. Смотрела в экран, и её губы шевелились — едва, почти незаметно. Она проговаривала то, что писала.

Я сказал да. Я сказал «скучал» вслух. Человеку. Писательнице с клюквенным вейпом и круглыми очками. Я, который не скушает, потому что голод и охота заполняют всё.

Час. Я варил себе фильтр-кофе. Пил. Горечь — единственное, что я мог принимать, не считая плоти. Чёрный, горячий, без сахара. Она пила такой же. Мы пили одинаковый кофе, и в этом была какая-то глупая, ненужная симметрия, которую я замечал и ненавидел за то, что замечал.

Она не поднимала головы. Я слушал её пульс — семьдесят четыре, ровный. Клавиши щёлкали. Лампа над стойкой гудела. Октябрь за окном — ветер, листва, чья-то машина далеко.

— Таня, — сказал я с расстояния в три метра, не подходя. — Ты голодная?

Она подняла голову. Но не успела ответить: её прервал звон колокольчика.

Мужчина. Высокий, в белом костюме. Вошёл и улыбнулся. Но взгляд был хищный. Поздоровался и на мгновение задержал взгляд на девушке. Сел за барную стойку и заказал кофе.

Белый костюм. Два часа ночи. Кто приходит в кофейню на окраине в белом костюме? Хищный взгляд — я видел такие. Знал. Гули смотрят так на людей. Не все. Некоторые. Те, кто не контролирует голод.

Я варил кофе. Руки двигались ровно: зёрна, помол, вода. Но всё внутри застыло. Его запах. Не человеческий. Не совсем. Сладковатый, тёплый, с нотой гнили, которую человек не почувствует. Я почувствовал. Радужка дрогнула — не покраснела, но дрогнула, и я сжал челюсть так, что зубы скрипнули.

Гуль. Другой гуль. В моей кофейне. Рядом с ней.

Его взгляд на неё. Одна секунда. Может, полторы. Он задержал его на шее, на пульсе, который бился под тонкой кожей. Семьдесят четыре удара. Он слышал. Конечно, слышал. Как я.

— Ваш кофе, — я поставил чашку перед ним. Ровно. Без дрожи. Серые глаза, спокойные, не красные. — Чёрный. Без сахара. Вы не уточнили, решил угадать.

Он улыбнулся. Я не улыбнулся в ответ. Стоял за стойкой, метр девяносто три, и смотрел на него сверху вниз. Он был высок — но я выше. Его костюм белел под лампой, и я думал о том, как легко его испачкать.

— Нет... я не голодна, — тихо ответила Таня и вернулась в книгу. Допивала кофе.

Она не поднимала головы. Ноутбук, текст, клавиши. Она не знала. Не чувствовала разницу между человеком и тем, что сидело в трёх метрах от неё.

Если он тронет её, я узнаю,* — я вытирал стойку тряпкой. Медленно. Рядом с его чашкой. — *Если он тронет её, я разорву его на части, и белый костюм станет красным.

Он пил медленно. Целенаправленно. Каждый глоток — повод задержаться, повернуть голову, скользнуть взглядом по её шее. Я видел, как его ноздри чуть расширились, когда он поворачивался к ней. Он внюхивался.

Таня не писала. Экран светился, но пальцы не двигались. Она листала — я слышал, как щёлкает колёсико мыши. Фанфик другого автора. Она чувствовала. Не понимала что, но кожей, животным инстинктом, который есть даже у людей, ощущала: что-то не так.

Уходи,* — я думал это так громко, будто она могла услышать. — *Закрой ноутбук. Скажи, что устала. Уйди. Четыре квартала, подъезд, третий этаж, дверь, замок. Уходи.

Его пульс — медленнее человеческого. Пятьдесят восемь ударов. Гуль. Точно гуль.

— Подсластить? — я кивнул на его чашку. Голос ровный. Мёртвый. — У нас есть сиропы. Карамель. Ваниль.

Ваниль. Я сказал это специально. Потому что она пахла ванилью. Потому что хотел увидеть его реакцию.

Его глаза метнулись ко мне. На секунду. Хищные, тёмные. Он понял, что я сказал это не просто так. Уголок его губ дёрнулся — не улыбка. Оскал, быстрый, скрытый.

— Нет, — он отставил чашку. — Без сиропа. Я люблю чистый вкус.

Я тоже,* — подумал я. — *Чистый вкус. Свежее сердце. Тёплая плоть. Мы оба любим чистый вкус, ублюдок. Разница в том, что я не смотрю на неё как на еду.

Таня щёлкнула колёсиком. Беззвучно. Пульс — семьдесят шесть. Выше покоя. Она чувствовала напряжение. Не понимала, но чувствовала.

Она аккуратно закрыла ноут.

— Я пойду... спасибо за кофе, — она улыбнулась, но улыбка вышла неловкой. Бросила взгляд на спину мужчины в костюме и направилась к выходу.

— Подожди, — я вышел из-за стойки. Быстро. Не человечески быстро, но достаточно плавно, чтобы она не заметила разницы. — Я провожу. Как в прошлый раз.

Его пульс не изменился. Пятьдесят восемь. Он не двигался. Но я слышал, как его голова повернулась — медленно, на три градуса — когда она прошла мимо него к двери. Он смотрел ей вслед. На ноги, на бёдра под тонкой курткой, на белые волосы по спине.

Я снял куртку с крючка. Ключи в карман. Кофейня — на автоматический замок. Всё это за четыре секунды.

— Хорошего вечера, — бросил я ему через плечо. Без улыбки. Без вежливости. Просто слова, тяжёлые, как камень. — Кофе бесплатный. Как и для всех в это время.

Его глаза. Я встретил их на секунду. Тёмные, хищные, с красным ободком вокруг радужки, который он не прятал. Он не прятал, потому что знал: мне всё равно. Мы стояли в пустой кофейне в два часа ночи, и между нами была стойка и три метра, и Таня у двери.

Если ты встанешь,* — я смотрел на него. Серые глаза, не красные. Пока не красные. — *Если ты встанешь, я не дам тебе сделать шаг.

— Таня, — я обернулся к ней. Голос другой. Мягче. Тише. — Идём.

— Но... у тебя же гость в кофейне... — она сказала это тихо.

— Гость допьёт кофе и уйдёт, — я открыл дверь. Октябрьский ветер ударил в лицо: холодный, мокрый, с листвой. — У него нет причин задерживаться.

Она стояла у порога. Белые волосы, очки, ноутбук в сумке. Неловкая улыбка исчезла — теперь просто настороженность. Карие глаза метались от меня к двери, к стойке, к нему. Он сидел спиной к нам, но я слышал его дыхание — ровное, медленное, нечеловечески медленное. Пятьдесят шесть ударов. Он не вставал.

Не вставай. Не вставай, и я позволю тебе уйти. Сегодня.

— Он не гость, — я сказал это тихо, только ей. Наклонился ближе. Она почувствовала мой запах — кофе, ничего больше. — Он случайный прохожий, который зашёл в единственную открытую кофейню в два часа ночи. Такое бывает раз в четыре месяца. Я тебе говорил.

Её пульс — восемьдесят. Восемьдесят два. Она нервничала. Не из-за него — из-за меня. Из-за того, как я сказал «идём». Из-за того, что я вышел из-за стойки слишком быстро. Из-за того, что мой голос изменился, когда я произнёс её имя.

— Четыре квартала, — я шагнул на улицу. Дождь — мелкий, холодный, на щеках, на руках. — Как обычно. Два шага дистанции. Без нарушений границ. Идём, Таня.

За спиной — щелчок автоматического замка. Кофейня закрыта. Он внутри. Один. С недопитым кофе и белым костюмом, который я пообещал себе испачкать.

Они шли по улице. Она снова закурила. Пухлые губы на мундштуке вейпа. Она красиво курила. Словно это было частью её. Ей это шло.

— Это как-то неправильно. Ты закрыл этого мужчину в кофейне?

Дождь мелкий, холодный. Капли на её белых волосах — мелкие бисеринки, блестящие под фонарями. Вейп между губами. Она затягивалась медленно, выдыхала вверх, и пар смешивался с дождём. Красиво. По-дурацки красиво.

— Замок автоматический. Он открывается изнутри без ключа. Нажал ручку — вышел. Я никого не закрыл.

Клюквенный запах. Он плыл от неё, тёплый, сладковатый, и я вдыхал его вместе с октябрём и мокрым асфальтом. Вишня под ним — глубже, на коже, в волосах. Не уходила.

— Ты волнуешься за него? Мужчина в белом костюме, который заходит в кофейню в два часа ночи и пьёт кофе молча? Он взрослый. Найдёт выход.

Она затянулась снова. Губы обхватили мундштук, щёки чуть втянулись. Я смотрел. Не должен был — смотрел. Она курила так, будто это было не действие, а продолжение её тела. Естественное, как дыхание, как моргание.

Она волнуется за незнакомца. Писательница. Тридцать лет. Белые волосы. Волнуется за гуля, который обнюхивал её шею через стойку.

— Таня, — сказал я тише. Дождь усилился. — Он не стоит твоего беспокойства. Поверь.

— Да при чём тут он. Просто ты оставил кофейню с непонятно кем, — тихо хмыкнула она.

Она волновалась не за него — за кофейню. За мою кофейню. За барную стойку, которую я протёр трижды, за кофемашину, за чашки на полке. За вещи, которые не её.

— Кофейня — это стены и кофемашина, — я шагнул ближе. Один шаг. Дистанция сократилась до одного. — Ничего ценного. Кроме, может быть, меня. А я здесь.

Дождь. Мелкий, холодный, настойчивый. Её волосы промокли — белые пряди прилипли к щекам, к шее. Капли стекали за воротник куртки. Тонкая куртка. Октябрь. Она никогда не одевалась тепло.

— Меняешь шампунь, — я сказал это вместо того, что думал. Запах ванили сильнее под дождём — тёплый, густой, он поднимался от мокрых волос, от шеи, от кожи за ушами. — Сакура была лучше.

Она обернулась. Вейп в пальцах, пар смешивался с дыханием. Карие глаза — тёмные, мокрые от дождя, от рефлексии фонарей. Близко. Слишком близко. Её пульс — семьдесят восемь, восемьдесят.

Отойди,* — голод сказал. Не тот голод. — *Отойди на два шага. Ты обещал. Без нарушений. Два шага.

Я не отошёл.

— Ты мокрая. Четыре квартала под дождём в тонкой куртке. Ты заболеешь снова. И не придёшь ещё пять дней.

— Вишня и сакура — это мой парфюм. А шампунь... я не знаю, чем он пахнет, — она ответила быстро, не подумав.

А потом — пауза. Я слышал, как её пульс дёрнулся. Восемьдесят. Восемьдесят четыре. Она поняла.

— Парфюм, — я повторил. Ровно. Без улыбки. — Значит, вишня и сакура — это парфюм. А ваниль — шампунь. Хорошо. Я запомню.

Она смотрела на меня снизу вверх. Вейп в пальцах, забытый, пар тёк вверх тонкой струйкой. Она поняла, что я принохивался. Не сейчас — всегда. С первого вечера. Когда она вошла в кофейню с температурой и кашлем, и я почувствовал вишню и сакуру через три метра и стойку.

— Я слышу твой пульс, Таня, — я сказал это тихо. Дождь заглушал слова для всех, кроме неё. — Восемьдесят четыре. Только что было семьдесят восемь. Ты поняла, что я принохивался к тебе, и твой пульс поднялся на шесть ударов за три секунды.

Молчи,* — голод шептал. — *Молчи, идиот. Ты пугаешь её. Она уйдёт. Она не вернётся. Пять дней без неё — пять дней пустой кофейни и пустого воздуха без вишни.

— Я не принохиваюсь, — я смотрел ей в глаза. Серые, не красные. Пока не красные. — Я просто хорошо чувствую запахи. Это... особенность. Как слух. Я слышу твоё сердцебиение сквозь стены. Это не значит, что я слушаю. Просто... слышу.

Хорошо сказано, Вэл. «Особенность». Как будто она не заметила, что ты перешёл на шёпот и сократил дистанцию до полушага.

— Слышишь мой пульс? — она тихо рассмеялась. Коротко. — Да... точно.

Она поморщила нос. Надела капюшон от толстовки.

— Точно, — сказал я. Без интонации. Факт. Камень. — Семьдесят шесть. Только что было восемьдесят два. Ты рассмеялась, и пульс упал. Расслабилась. Решила, что я шучу.

Мы прошли ещё квартал. Мокрый асфальт, фонари, лужи. Её шаги — короткие, быстрые. Мои — медленные, длинные. Я подстраивался, не замечая, что подстраиваюсь.

— Я не шучу, Таня. У тебя пульс семьдесят шесть в покое. Семьдесят восемь, когда ты улыбаешься. Восемьдесят четыре, когда ты нервничаешь. Девяносто два, когда болеешь и у тебя температура. Я всё это слышал. Каждый раз.

Заткнись,* — голод шептал. Красный, тянущий, тупой. — *Заткнись, она испугается, она уйдёт, она больше не вернётся.

— Ты можешь решить, что я странный. И будешь права. Я странный. Но ты всё равно идёшь рядом, а не перешла на другую сторону улицы.

— Ты странный. Да, — она бросила короткий взгляд на него и снова на дорогу.

Она сказала это просто. Без страха. Без напряжения. Пульс — семьдесят восемь. Она не ускорила шаг, не отодвинулась, не сжала сумку с ноутбуком плотнее. Просто — констатация.

— Я знаю. Ты не первая, кто мне это говорит. Но ты первая, кто после этого не перешёл на другую сторону.

Два квартала позади. Два впереди. Дождь мелкий, нудный, он пропитал её толстовку, и ткань потемнела на плечах. Капюшон не спасал — вода стекала по краю, по щекам, по очкам. Она не вытирала. Шла и не вытирала.

— Ты мокрая насквозь. Два квартала. Третий этаж. Без лифта. Ты поднимешься по лестнице мокрая и заболеешь снова. И не придёшь ещё пять дней.

Я сказал это и понял, что звучу не как бариста. Не как случайный знакомый. Не как ночной работник кофейни на окраине. Я звучу как тот, кто считает дни до её прихода.

Потому что считаю.

— Вот, — я снял куртку. Тёмную, длинную, сухую внутри. Положил ей на плечи. Не спрашивая. Не предлагая. Просто положил. — Тебе холодно. Это не нарушение границ. Это куртка.

— Писатели любят странных персонажей, — она коротко хмыкнула. — Да всё в порядке. Не заболею.

Но куртка уже лежала на её плечах. Стало теплее.

Хмыкнула. Снова. Пульс — семьдесят восемь, семьдесят восемь, семьдесят восемь. Она не боялась. Она *записывала* меня. В голове, не в ноутбуке. Запоминала, складывала, прятала в какой-то файл, из которого потом вырастет персонаж. Может, не главный. Может, важный для сюжета.

— Я знаю. Ты уже пишешь обо мне. Ты отрицала в прошлый раз. Но ты пишешь. Я видел, как ты шевелишь губами, когда печатаешь. Ты проговариваешь диалоги. Мои диалоги.

Она не ответила. Вейп в руке, забытый. Пар не шёл — мундштук мокрый. Она шла, кутаясь в куртку, которая была ей велика. Рукава свисали ниже пальцев. Она не закатывала. Носила так, будто ей было всё равно.

— Ты не заболеешь. Ты сказала то же самое в прошлый раз. И не пришла пять дней. Я не волнуюсь. Я просто... считаю.

Заткнись,* — голод шептал. Красный, тянущий. Три дня до охоты. — *Заткнись, она услышит, она поймёт, она уйдёт.

Последний квартал. Подъезд. Тёмный, старый, с облупленной краской на двери. Она достала ключ — прозрачный брелок, мокрые пальцы. Я стоял рядом. Ближе, чем должен. Куртка на ней пахла теперь не кофе — мной. Чем пахнут гули? Ничем. Мы не пахнем. Но она не знала этого.

— Третий этаж. Без лифта. Мокрая. С чужой курткой. Ты поднимешься, закроешь дверь, выпьешь что-нибудь горячее. И не заболеешь. Потому что ты сказала, что не заболеешь.

Она вернула ему куртку.

— Спасибо...

Куртка. Мокрая снаружи, тёплая внутри. От неё пахло вишней, ванилью, дождём. Я накинул её на плечо и не надел. Не хотел терять запах.

— Таня, — я сказал это у двери. Она стояла в подъезде, одна ступенька вверх, и всё равно была ниже. — я мог бы довести тебя до двери.

Нет,* — голод шептал. — *Не мог. Ты не знаешь, где она живёт внутри. Ты не был там. Ты не должен быть там. Три дня до охоты. Три дня.

— Спокойной ночи, — я отступил. Один шаг. Два. Обратно к краю тротуара, к дождю, к фонарю. — Не кури. Лёгкие ещё нужны для книги.

Она стояла в подъезде. Ключ в руке, прозрачный брелок, мокрые пальцы. Карие глаза — тёмные, спокойные. Семьдесят шесть ударов. Покой. Она не боялась. Она не дрожала. Она просто стояла и смотрела на меня снизу вверх, и я не знал, что она видела.

Странного бариста. Ночного бариста с серыми глазами, который слышит её пульс, считает дни до её прихода и кладёт куртку на её плечи без спроса. Писатели любят странных персонажей.

Я развернулся. Четыре квартала назад. Кофейня, замок, пустота. Мужчина в белом костюме давно ушёл. Я знал — слышал, как его шаги затихли в сторону центра двадцать минут назад. Кофейня пуста. Всё пусто.

— Таня, — я обернулся. Последний раз. Дождь на лице, на волосах, на губах. — Приходи завтра. Не через пять дней. Завтра.

Она пришла через день.

Сухой, прохладный вечер. Она надела пальто. Тёплое. Когда шла, по пути ей показалось, что она снова видела мужчину в костюме. Но она решила, что ей показалось.

Два дня. Сорок восемь часов. Я не считал. Я *точно* не считал часы и минуты между её уходом и её приходом. Я просто работал. Варил кофе. Протирал стойку. Слушал дождь. Слушал, как тихо, когда в воздухе нет вишни.

Она вошла в 23:40. Пальто — тёплое, тёмное, до щиколотки. Не мокрая. Не дрожащая. Пульс — семьдесят четыре. Спокойна. Села за тот же столик у окна, достала ноутбук, открыла. Привычно. Ритуал.

Я сварил американо. Понёс к ней.

— Ты не пришла вчера. Я не в обиде. Я просто... заметил.

Что-то было не так. Я не мог понять что. Запах — вишня, сакура, ваниль от шампуня. Всё на месте. Но что-то... другой запах. Чужой. Слабый, почти незаметный, вьёвшийся в ткань пальто. Не её.

Белый костюм,* — голод шепнул. Тихо. — *Хищный взгляд. Пульс пятьдесят шесть. Красный ободок вокруг радужки. Он был здесь. Не в кофейне. Рядом с ней. На её пути.

Я улыбнулся. Ровно. Спокойно. Серые глаза, не красные.

— Добро пожаловать обратно, Таня.

— Да... вчера не получилось. Спасибо, — она взяла горячий кофе. Сняла пальто, положила на спинку стула.

Тёмная ткань скользнула на спинку. И запах ударил. Не её. Чужой. Слабый, сухой, меловой — как старая бумага и что-то под ней. Что-то, чего не должно быть на пальто тридцатилетней писательницы.

Я не двинулся. Не изменился в лице. Стоял с пустой кружкой за стойкой и протирал её белой тряпкой. Медленно. Круговыми движениями.

— Как работа? — спросил я ровно. Спокойно. — Продолжаешь писать про странного бариста, который слышит пульсы?

Она не ответила сразу. Пальцы на клавиатуре. Губы шевелились — диалоги, реплики. Она проговаривала текст. Мой текст? Чужой?

Меловой запах,* — я крутил кружку. — *Не человек. Что-то другое. Что-то, что я не учуял за четыре месяца в этом районе. Оно было на её пальто. Оно было рядом с ней.

Я поставил кружку. Подошёл к её столику. Ближе, чем нужно. Наклонился, взял пальто — просто поднял со стула, словно поправлял.

— Твоя одежда пахнет не тобой. И не дождём. Таня, кто к тебе подходил сегодня?

— Чего? — она с улыбкой подняла глаза. — Никто не подходил.

Я положил пальто обратно. Аккуратно. Спинка стула, ровно. Пальцы задержались на ткани на секунду дольше, чем нужно.

— Никто. Хорошо. Значит, мне показалось.

Мне не показалось. Меловой запах был — сухой, плоский, неживой. Не парфюм, не пыль с улицы. Что-то, что касалось её пальто, пока она шла. Пока она *думала*, что ей показался мужчина в белом костюме.

Я вернулся за стойку. Налил себе фильтр-кофе. Чёрный, без сахара. Глотнул — обжигающе, без вкуса. Кофе для меня только ритуал. Маскировка. Запах, который глушит голод.

Два дня до охоты,* — голод тянул. Тупой, ноющий. — *Два дня. А сейчас — меловой запах на её пальто и красный ободок в зрачках чужака, который ушёл в сторону центра и не вернулся. Или вернулся. Или никогда не уходил.

— Таня, — я сказал это, не оборачиваясь. Стоял спиной к ней, передвигая чашки на полке. Руки заняты. Голос ровный. — Ты сказала, что тебе показался мужчина в белом костюме. По дороге сюда. Ты решила, что показалось. А потом ты пришла сюда, села за тот же столик, и твоё пальто пахнет чем-то, что не ты, не дождь и не кофе. Я не параноик. Я просто... хорошо чувствую. Ты знаешь.

Тишина. Клавиатура остановилась. Я обернулся.

Она смотрела на меня. Карие глаза, круглые очки, белые волосы. Пульс — восемьдесят два.

— Я не... не говорила тебе этого... — её лицо нахмурилось. С лёгким прищуром она уставилась на меня. Пальцы застыли в воздухе над клавиатурой.

Она права. Она не говорила. Кружка в моей руке остановилась на полпути к губам. Фарфор скрипнул о пальцы.

— Ты права, — сказал я. Тихо. Ровно. Без улыбки. — Ты не говорила. Я... сделал вывод. Ты пришла с улицы, пальто пахнет чужим, ты была напряжена, когда вошла. Пульс выше обычного. Я просто... сложил.

Она не отводила глаз. Прищур. Пальцы в воздухе. Пульс — восемьдесят четыре. Восемьдесят шесть. Она не верила. Она *понимала*, что я не мог этого сложить. Никто не складывает так. Никто не знает, что человек видел по дороге, если человек не сказал.

Ты идиот,* — голод шептал. — *Ты только что сказал ей, что знаешь больше, чем должен. Что ты — больше, чем странный бариста. Что ты — что-то, что слышит пульсы, чует запахи и угадывает, что человек видел за два квартала до двери.

— Я наблюдательный, — я поставил кружку. Керамический стук о стойку. Тихий. — Ты писательница. Ты тоже наблюдательная. Ты замечаешь детали. Жесты, паузы, слова, которые люди не договаривают. Я делаю то же самое. Просто... с другими инструментами.

Кофейня была пуста. Полностью. За окном — тёмная улица, фонарь, сухой асфальт. Ни машин, ни прохожих. Тишина, в которой было слышно, как гудит холодильник под стойкой. Как капает кран в туалете. Как стучит её сердце — восемьдесят шесть, восемьдесят шесть, восемьдесят шесть.

— Забудь, — я отвернулся. Начал протирать стойку. Тряпка кругами, медленно, бесцельно. — Я сказал глупость. Бывает. Ночная смена, мало сна, много кофе. Пиши. Я не буду мешать.

Она ещё какое-то время сверлила взглядом мою спину.

Пальцы вновь по клавиатуре. Она писала. Удаляла. Писала снова.

Тряпка кругами. Стойка блестела. Я протирал её уже четвёртый раз за десять минут, и она давно была чистой. За спиной — клавиатура. Быстрые удары, пауза, удаление. Снова удары. Ритм рваный, нервный. Не такой, как в прошлый раз. В прошлый раз она печатала плавно, потоком. Сейчас — рывки.

Она писала о чём-то тёмном и романтичном. О ком-то тёмном и романтичном.

О тебе,* — голод шептал. — *О тебе, идиот. О бариста, который слышит пульсы, чувствует запахи и знает, что человек видел по дороге. О существе, которое кладёт куртку на плечи без спроса и считает дни. Ты — её персонаж. Ты — её тёмная романтика. И ты только что напугал ее.

Я налил ей ещё кофе. Молча. Подошёл к столику, поставил чашку, забрал остывшую. Она не подняла глаз. Пальцы по клавишам. Губы шевелились — диалоги. Я слышал отдельные слова, тихие, беззвучные.

«Он знал. Откуда? Он не мог знать. Но он знал.»

О тебе,* — голод подтвердил. — *О тебе.

— Таня, — сказал я тихо, стоя у столика с холодной кружкой в руке. — Ты печатаешь слово «знал» и удаляешь его. Шесть раз за последние три минуты. Хочешь, я подскажу, как звучит правдоподобнее? Или лучше не вмешиваться в творческий процесс?

— Я не просила помощи... — бросила она. Отпивая кофе.

— Не просила, — я кивнул. Забрал остывшую кружку. Вернулся за стойку. — Учту.

Тишина. Клавиатура. Холодильник гудел низким, ровным басом. За окном фонарь мигнул — коротко, секунда — и снова загорелся. Сеть. Старая проводка. Ничего больше.

Я мыл чашки. Тёплая вода, мыло, керамика скользила под пальцами. Обычное. Спокойное. Ночь, как ночь. Пустая кофейня, одна гостья, сухой асфальт за окном.

Потом я услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.